

1
306
1917

МАСЛЕНИЧНЫЙ НОМЕРЪ **НОВЫЙ** **САТИРИКОН**

№ 7 **ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ** **1917**
9 ФЕВРАЛЯ

ЦѢ НА ОТД. № ВЪ РОЗКИЧНОЙ ПРОДАЖѢ 25 КОП. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 КОП.

3
КОНТРАКТИСВО
ВЪ СТАНЦІИ

Л А К О М О Е Б Л Ю Д О .

Цензоръ: — Въ этомъ „Сатириконѣ“ мнѣ больше всего нравится мозгъ.

НА ДѢВИЧЬЕМЪ.

На Дѣвичьемъ балаганы,
Воютъ сильные органы,
Намалевано чертей
Всѣхъ обличій и мастей.
На Дѣвичьемъ карусели,
Кумачевыя метели,
Гусь летитъ, за гусемъ конь,
Надрывается гармонь.

Жаркогляда молодуха,
Отъ морознаго, знать, духа
Да отъ онѣжнаго вина,
Такъ румяна и хмельна!..
На лоткѣ блины горою
Маслотечной, пировой,
Дробный плясъ и кутерьма,
Гдѣ Ерема? Гдѣ Оома?

А гляди-ка на Петрушку:
Лихо поднялъ колотушку,
Крѣпко турку угостилъ,
Хранецъ повыбился изъ силъ,
Обернулся обезьянкой,
И Елгемъ идетъ съ шарманкой
А въ мостинѣ дурачки,
То — Елгемовы сынки.

Коли масленица нонче,
Такъ засмѣйся, тройка, звонче,
Молодой, не пожалѣй,
Вѣтроногихъ вспѣнь коней,
Яровая свищетъ воля,
Ну-ка, вдоль Дѣвичья поля,
Сторонись, честной народъ,
Русь гуляетъ, Русь поетъ!

Александръ Рославлевъ

ТРАМВАЙНОЕ ПОПУРРИ.

Хвастухъ.

— Вы выходите?
— Не!..
— Такъ чего же вы загородили дорогу? Стоить, какъ бревно... Надо быть ловкимъ!..
— Ииии, милай!.. Былъ ловокъ, а нонѣ восьмой десяткъ пошелъ. Кака жъ тутъ ловкость...
— Я въ сто лѣтъ буду такъ же ловокъ, какъ сейчасъ; я... И, не договоривъ, поскользнулся на обледенѣлой подножкѣ. Упалъ. Что-то хрустнуло...
Кинулись къ нему, а онъ... мертвенькій.

Сила привычки.

Въ вагонѣ заняты только «сидячія» мѣста, проходъ пустъ.
Входитъ господинъ, за нимъ дама.
Дама начинаетъ напирать на господина. Тотъ съ удивленіемъ оплядывается.

Дама: — Ради Бога простите! Я думала, что въ вагонѣ тѣсно...

Хорошее понятіе.

— Чего вы меня въ животъ толкаете?
— Тѣсно, тѣсно, милая!..
— Значитъ, если тѣсно, такъ можно людямъ кишки выдавливать. Хорошее у васъ понятіе!..

Паразиты.

— Что вы, мадамъ, ищете?

Дама: — Блошки разсыпала...

Смѣхъ.

Дама (сконфуженно): — Это игра такая... дѣтская...

Серенада.

Бритый прочелъ на двери вагона: «До остановки двери не отворять» и напѣваетъ на ухо своей дамѣ:

— Мой совѣтъ до остановки дверь не отворяй! Дзе-ерь не-е отворя-ай!..

Жосогрѣйка.

Старушенка тычется мокрымъ, краснымъ носикомъ въ каракулеву спину дамы. Потомъ начинаетъ тереться носомъ о каракуль.

Носъ навѣрно холодный, какъ у собаки.

А каракуль грѣбеть...

Донъ-Жуанъ.

— Съ васъ получить!
— Я раненый.
— Съ васъ!..
— Я тоже раненый. Сейчасъ раненъ... Вами раненъ, прелестнѣйшая кондуктресса!..

Особое мнѣніе.

Кондуктора выругали идиотомъ. Онъ не обидѣлся, только возразилъ увѣренно:

— Адіотовъ нѣтъ!..

Парадоксъ.

— Я очень, очень извиняюсь... Но, ей-Богу, я поражаюсь, какъ вамъ до сихъ поръ не надоѣло обижаться на толчки въ трамваѣ. Во-первыхъ, вообще жизнь такъ сложна, что обижаться прямо таки некогда, а во-вторыхъ, обижаться на толчки въ трамваѣ стало уже банальнымъ. Клянусь вамъ это неоригинально. Будьте оригинальны хоть на пятакъ, на трамвайную плату долеяновскаго періода...

Голосъ въ „пустычѣ“.

Агентъ «Арміи Спасенія», умирая отъ тѣсноты въ вагонѣ (безъ обиды):

— Не ссорьтесь, живите въ мирѣ!..

Правильно.

— Кондукторы! Чего ты тутъ торчишь? Стоить, какъ истуканъ!.. Мѣсто занимаетъ...

— А куды жъ мнѣ дѣться?

— Не разсуждать! Твой номеръ?.. Кондукторъ долженъ билеты продавать, по вагону двигаться, а не мѣсто занимать...

Предѣль.

— Виноваты!..
 — Нѣтъ, вы не виноваты.
 (Удивленно):—Я толкнулъ васъ нечаянно и извиняюсь...
 — А я говорю, что вы не виноваты. Виновата жизнь...
 — Ну, знаете!.. Даже извиниться нельзя... Вѣжливымъ не позволяютъ быть... Дальше уже некуда идти...

Старець.

Босой старикъ, безъ шапки, съ длинными волосами и пащецей вдохновенно восклицаетъ на задней площадкѣ:
 — Продвигайтесь впередъ, братья, впередъ пробивайтесь!..
 Въ глазахъ его — безуміе...

Эстеты.

Къ выходу пробирается дѣвушка съ красивымъ лицомъ. Студентъ товарищу:
 — Смотри, какая хорошенькая!..
 — Гдѣ, гдѣ?..
 — А вонъ!.. Уже отвернулась...
 — Ахъ, какъ жаль!.. Въ каракулѣ?
 — Да.
 — Ради Бога, оглянитесь!..
 Нѣсколько человекъ съ удивленіемъ оглядываются, дѣвушка тоже.
 Студентъ радостно, благодарно улыбается ей.
 На личикѣ дѣвушки расцвѣтаетъ прелестная, стыдливая улыбка...

Самолюбіе.

Кондукторша спрашиваетъ всѣхъ по нѣсколько разъ:
 — Есть билетъ?
 Ей отвѣчаютъ съ раздраженіемъ:
 — Да есть, есть!.. Чего сто разъ пристаешь?
 — А того пристаю, что заяцъ прѣберется на переднюю площадку да и хвастается жолатому: «Даромъ проѣхалъ. А все потому, что кондукторъ—баба. У мужчины не проѣдешь». А мнѣ обидно... Не хочу быть бабой!..

Заяцъ.

Войдя въ вагонъ, онъ вынимаетъ изъ кошелька синюю марку и зажимаетъ ее на всякій случай въ рукѣ. Когда кондукторша проходитъ мимо него, онъ молчитъ. Онъ старается пробраться поскорѣе къ передней двери. У самой двери онъ оглядывается, смотритъ, гдѣ кондукторша. Выходитъ на площадку задолго до своей остановки.

Случайно я схожу вмѣстѣ съ нимъ.

Отойдя нѣсколько шаговъ отъ остановки, онъ вынимаетъ кошелекъ и прячетъ украденный у города гривенникъ. На лицѣ у него довольная улыбка...

Pro domo sua.

Въ трамваѣ чаще бываетъ грустно, тяжело на душѣ, физически больно, но перепадають и веселія минуты.

Недавно меня что-то разсмѣшило при посадкѣ, и я вдавился въ вагонъ съ улыбкой. Въ этотъ моментъ на меня взглянула дама съ капризнымъ, вздорнымъ лицомъ и громко сказала:

— Безобразіе!.. Толкаются, а онъ смѣется. Дуракъ какой!..

Поровнявшись съ оскорбившей меня дамой, я шепнулъ въ ея розовое, кокетливое ушко:

— Зачѣмъ вы, сударыня, вмѣшиваетесь въ мои личныя дѣла? Смѣхъ — моя профессія. Вы же не ругаете доктора за то, что онъ лѣчитъ; за что же вы меня назвали дуракомъ?

Она съ удивленіемъ взглянула на меня, подумала и сказала рѣшительно и громко:

— На-халь!..

Муромскіе лѣса.

— Съ васъ получить!..
 — Кошелекъ свистнули...
 — Съ васъ!..
 — Сумочку отрѣзали...
 — Съ!..
 — Бумажникъ вытащили...
 — ???

Плакаты.

Надо немедленно вывѣсить въ трамвайныхъ вагонахъ плакаты:

«Берегите нервы!» и «Не укради!»

Слѣдуетъ также заблаговременно заказать два друтихъ плаката:

«Не убій» и «Не прелюбы сотвори!»
 До этого, правда, еще не дошло пока, но все возможно. Все, повторяю, возможно...

Николай Бреневъ (В. Черній).

ШЕРБЕТЪ.

«Ахъ, неужели вы не помните, —
 Тому назадъ пятнадцать лѣтъ,
 Какъ въ этой самой свѣтлой комнатѣ
 Мы ѣли розовый шербетъ.

А за окошкомъ шумной бандою,
 Топорща перышки свои,
 Носились съ крикомъ надъ верандою,
 О чемъ-то споря воробы.

Вся изогнувшись нѣжной кошечкой,
 И граціозны, и легки,
 Вы подошли ко мнѣ за ложечкой,
 Коснувшись чуть моей руки.

Когда же руки наши встрѣтились,
 Тогда, быть можетъ, не проста,
 Въ взорахъ вдругъ огни отмѣтились,
 И страстно дрогнули уста...

Потомъ... Но стынуть и объятія.
 И я ушелъ отъ скучныхъ сценъ,
 Гдѣ стоны, слезы и проклятія
 Гнетутъ, какъ долгій тяжкій плѣнь.

... Пятнадцать лѣтъ какъ въ воду канули,
 Прошли безслѣдно глупымъ сномъ.
 И вотъ опять теперь, не странно ли,
 Мы въ той же комнатѣ вдвоемъ.

Но въ сердцѣ осени рыданія
 Тревожатъ прошлаго скелетъ.
 И прежнихъ прелестей свиданія
 Не дасть намъ розовый шербетъ...

Жакъ Нуаръ.

Рис. К. Кузнецова.

БЛИНЫ.

Каждому своя форма блина:

Рис. Б. Антоновскаго.

1) Банжиру, проворовавшемуся.

2) Старой дъвь, безъ любви томящейся.

3) Сановнику, воспрещающему.

4) Чиновнику, украшенія на грудь жаждающему.

5) И, наконецъ, сатириконцамъ — за дерзостныя мечтанія никакихъ блиновъ не полагается. Достаточно имъ и одной „икры“.

СНѢЖНЫЙ ХМѢЛЬ.

Отъ васъ сегодня пахнетъ снѣгомъ
И терпкимъ запахомъ дохи.
Вамъ такъ къ лицу: Архангельскъ, Кемь, Онега,
Какъ мнѣ къ лицу мои духи.
Мнѣ въ вашихъ розвальняхъ тепло, какъ въ колыбели,
И въ вашей шубѣ, какъ въ гнѣздѣ.
Своей и вашей вѣрю я звѣздѣ.
И съ вами я люблю мохнатые метели, —
Съ вами!..
Серебряными кружевами
Качаютъ ели.
Я вижу лѣсъ въ пирляндахъ бусъ зеленыхъ, золотыхъ,
Я вижу звѣздный сонъ. А вы? А ты?
А ты, мой самоѣдъ, а ты, мой снѣжный мельникъ,
Царь ледяной, мой бѣлый царь-Морозъ?
Ты чувствуешь, что намъ сочельникъ
Счастливымъ Новымъ Годомъ принесъ,
Принесъ намъ радость быть вдвоемъ, быть вмѣстѣ?
Ты хочешь до зари пить выюжное вино изъ бѣлыхъ куб-
ковъ ласковой метели,
Смотрѣть, какъ лепестки стеклянныхъ бѣлыхъ розъ
Въ медвѣжью полость налетѣли?
Ты хочешь пить Снѣгуркину любовь,
Взметнувшую ее сегодня въ первый разъ?
Красавецъ Новый Годъ, алмазный хмѣль для насъ, —
Алмазный хмѣль готовъ!

Лидія Лѣсная.

ОДИНЪ РАЗГОВОРЪ.

Случайно встрѣтились:

— Вы кто? — спросилъ я.

— Воръ. А вы?

— Я? Журналистъ.

— Тоже безпокойная профессія. Пожалуй, еще хуже нашей. Еще больше хвостомъ вертѣть и слѣдъ замечать приходится.

Такъ какъ я не былъ особенно польщенъ этой параллелью, то деликатно перевелъ разговоръ на другое:

— Скажите, правда, что въ Москвѣ основано акціонерное общество воровъ, со своимъ уставомъ и запаснымъ капиталомъ?

Онъ серьезно посмотрѣлъ на меня.

— Да. И пенсіонная касса есть. И бюро пособій пострадавшимъ.

— Да какъ же это такъ?! А полиція что же смотреть? Сыскное?

Онъ затянулся папиросой и сплюнулъ.

— Полиція? Вы помните, магазинъ у насъ въ Петроградѣ былъ обворованъ около самаго Полицейскаго моста?

— Ну?

— Я.

— Очень приятно. Значитъ, вы съ полиціей не считаетесь?

Онъ снова затянулся папиросой и сплюнулъ.

— Я вамъ, господинъ, скажу правду: мы что захотимъ, то и украдемъ.

— Ну, положимъ, — недовѣрчиво сказалъ я. — Не все.

— Напримѣръ? — обидчиво скривился этотъ самолюбивый человекъ.

— Ну, вотъ: Александровскую колонну вы не смогли бы ухитриться украсть!

— Нѣтъ, — серьезно отвѣчалъ онъ.

— Ага! Значитъ, все-таки полиція бы помѣшала.

— Нѣтъ, не то, господинъ, — задумчиво отвѣчалъ онъ. — Не то. Ее просто нельзя украсть.

— Почему?!!

— Она въ ломбардъ не входитъ.

Я отошелъ отъ него.

А про себя подумалъ: «какое счастье для петроградскихъ памятниковъ, что ломбаодныя помѣщенія такъ тѣсны».

Арк. Аверченко.

ЗАГАДОЧНОЕ.

— Боже ты мой, какъ быстро растутъ дѣти!.. Мы съ тобой женаты всего три года, а Васѣ уже пятый годъ...

Рис. Б. Антоновскаго.

АНГЛІЯ И ГЕРМАНІЯ.

Германія (копашась внизу): — Нѣтъ все-таки что ни говори, а подъ водой мнѣ дышать еще можно.

ЧИРИКАНЬЕ.

Чирикь-чирикь, какъ небо ясно!
 Миръ безпредѣленъ и великъ!
 Несчетность звѣздъ течетъ согласно...
 Чирикь-чирикь! Чирикь-чирикь!
 Чирикь-чирикь, взгляни на мошку;
 Она ничтожна и мала,
 А боги также любятъ крошку,
 Какъ и могучаго орла...
 Зачѣмъ, бравируя безбожно,
 По краю пропасти идти,
 Коль скоро намъ спокойно можно
 Прибѣгнуть къ торному пути?
 Чирикь-чирикь, всѣ люди братья,
 И гражданинъ, и мужички;
 Откройте жъ радостно объятъ
 Для всей вселенной, дурачки!
 Долой несносныя нападки
 И, рознь вселяющій разладъ:
 Ахъ, дѣло вовсе не въ порядкѣ,
 А въ томъ, чтобъ слился съ братомъ братъ!
 Чирикь-чирикь! сатирѣ ѣдкой
 Пора скомандовать отбой:
 Изъ насъ вѣдь развѣ только рѣдкій
 Грѣха не знаетъ за собой.
 При томъ, какъ звѣрь, свирѣпъ сатирикъ,
 Несозна всѣмъ ихъ злая рать:
 Имъ только бѣ съ ближняго мундирикъ
 Безчеловѣчно съ мясомъ драть.
 Чирикь-чирикь, какая мерзость
 Пиръ каннибаловъ въ наши дни!...
 Пора бы обуздаты ихъ шерзость,
 Иначе всѣхъ пожрутъ они!
 Чирикь-чирикь, какъ небо ясно,
 Какая бездна мирныхъ темъ
 Знай чиркь-чирикай сладкогласно,
 А люди ссорятся... Зачѣмъ?

Васисуалій Принцевъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ.

Я навѣрное бы сжился съ первобытными людьми. Въ концѣ концовъ, это были веселые малые съ грязными ногтями, безъ воротничковъ и въ постоянномъ прекрасномъ расположеніи духа. Другихъ недостатковъ у нихъ не было. Грязные ногти компенсировало чистое первобытное сердце, воротнички замѣняла прекрасная шкура со свѣжеубитаго тигра, а такъ какъ тогда не было ни литературы, ни родственниковъ*), ни увлеченія собственнымъ самоусовершенствованіемъ, то дурного настроенія и не могло существовать.

Но съ людьми грядущихъ поколѣній я, навѣрное, бы не ужился. Это будутъ ужасные люди, съ дрессированной душой, съ дрессированными привычками, и даже собаки будущаго будутъ лаять при помощи особой машинки, искусно прикрѣпленной къ хвосту, или другому мѣсту. По виду она будетъ напоминать машинку для стрижки волосъ, а, можетъ быть, складной штопоръ. И собаки, навѣрное, будутъ ходить въ большихъ темныхъ очкахъ и съ кожаными портфелями.

Я представляю себя сидящимъ за масленичнымъ**) столомъ въ небольшомъ семействѣ двадцать третьяго вѣка.

— Проглотили?

— Мерси. Проглотилъ. Кажется такъ съ бумажкой.

— Еще таблеточку.

— Мерси. Не надо больше таблеточки.

Передо мной маленькое блюдо, на которомъ разложены какія-то пилюли, таблетки и капсулы съ заманчивыми надписями: блины, семга, икра, сметана, селедка.

Вотъ добрая старая женщина, сидящая рядомъ со мной разрѣзаетъ маленькую таблетку на четыре части и официально извѣщаетъ:

— Въ этой таблеткѣ питательность шестнадцати бли-

*) На это указываетъ знаменитый историческій афоризмъ первобытнаго приватъ-доцента Шукръ-Мукръ:

— Каждый самъ себѣ дядя и сама-себѣ бабушка.

**) Почему именно за масленичнымъ? — спроситъ любознательный читатель. Было-бы смѣшно сажать человѣка въ февралѣ мѣсяцъ за рождественскимъ.

нозъ. Если ее опустить въ воду, получится крѣпкій бульонъ. Въ холодной водѣ она дастъ растворъ лимонада.

— Меня это начнетъ раздражать.

— Дѣло не въ сытости, — недовольно затыну я, — важно во вкусѣ.

— Эта блинная таблетка напоминаетъ вкусъ сушенанаго ананаса, смѣшаннаго съ имбиремъ.

— Блинъ не долженъ пахнуть и напоминать вкусъ ананаса. Тогда бы его подавали на сладкое.

— Да не все ли равно, голубчикъ, сыты будете.

— Блинъ долженъ имѣть видъ, — радостно вспоминаю я одинъ изъ самыхъ сильныхъ доводовъ своего вѣка, — онъ долженъ быть румянымъ, и чтобы изъ кухни несло чадомъ.

Хозяева будутъ поставлены въ ужасное положеніе. Законы гостепріимства еще будутъ въ силѣ (только со второй половины 27-го вѣка гостей будутъ безшумно убивать въ концѣ корридора, у пустого чуланчика), мнѣ захотятъ уютить.

— Хотите, я сяду въ сторонкѣ и буду шипѣть, — вѣжливо предложитъ хозяйка дома, — таблетку можно подрумянить безвредной для здоровья косметикой, а на кухнѣ общественная прислуга будетъ жечь кожаную обивку съ кресель. Будетъ очень большой чадъ.

— Не надо. Все равно блины безъ рюмки водки...

— А это что? — слегка обидится хозяйкина сестра, — вотъ экстрактъ коньяка. Для полнаго опьянѣнія одиннадцать капель, для средняго восемь и для простой тяжести въ ногахъ — четыре.

— А какъ же у васъ напиваются? — вполне естественно, что сейчасъ же спрошу я.

— Придетъ человѣкъ, накапаютъ ему въ рюмку и все.

— Что же, а если онъ сразу одиннадцать капель? Пришелъ человѣкъ, не со всѣми еще поздороваться успѣлъ и вдругъ сразу начинаетъ пѣть, звать на ты и порывается уснуть около ночного столика...

— Многие даже аэропланъ отъ подъѣзда не отпускаютъ. Поднимется на лифтѣ, глотнетъ и домой, чтобы въ гостяхъ не безобразничать.

— Жутко... — съ глубокимъ вздохомъ вырвется у меня. — А какъ же опохмѣлиться?

— У кого есть время — лежить, а многие принимаютъ таблетки съ содовой, чернымъ кофе, лимонадомъ, прессованнымъ компрессомъ и льдомъ. Алкоголики, такъ тѣ цѣлый день только и принимаютъ таблетки. Сначала коньячную, потомъ опохмѣлительную, потомъ снова коньячную...

— А полиція что смотритъ?

— У насъ на другихъ началахъ. Стоитъ около него полицейскій и смотритъ, чѣмъ дѣло кончится. Если послѣдняя таблетка коньячная — насильно его опохмѣляетъ, а если опохмѣлительная — пожелаетъ спокойной ночи и летитъ дальше. Другихъ дѣлъ много.

— Такъ.

Я встану. Въ желудкѣ будетъ чувство полной сытости, даже потянетъ ко сну, а въ сердцѣ обидное сознаніе, что ничего не успѣлъ поѣсть. Такъ тоскливо-тоскливо... Точно ребенокъ, затерянный въ лѣсу, осторожно всхлипну и стану прощаться...

— Можетъ останетесь? Посидѣли бы, пока экстрактъ чая принесутъ? Посидите, почитайте романы...

— Тоже въ таблеткахъ? Проглотилъ, и весь романъ готовъ?

— Помилуйте... Зачѣмъ же глотать. Это только въ ваше время почему-то говорили: будучи вдумчивымъ, любознательнымъ ребенкомъ, я буквально проглатывалъ книгу за книгой изъ бібліотеки моего батюшки.

— А какъ же у васъ читаютъ?

— Очень просто. У каждаго романа конспектъ есть. Для юношества полный, даже съ описаніемъ природы и наружности героевъ, а для дѣловыхъ людей краткій и передающій суть дѣла. Я вчера одинъ очень интересный романъ прочелъ, даже наизусть помню: Джероламо, 5 футовъ, 3 дюйма. Джелинна, талія 42, цвѣтъ волосъ сизый. Сошлись на почвѣ общей столовой, разошлись на почвѣ взаимнаго непониманія другъ друга. Конецъ очень занимательный романа и всего три строки. Надѣвая шляпу прочелъ...

Нечего мнѣ будетъ съ такими людьми дѣлать. Я самъ по себѣ, они сами по себѣ.

Арк. Буховъ.

ВЪ СТАРИНУ ЖИВАЛИ ДЪДЫ.

(Лекція о блокадѣ.)

Въ древности, милостивые государи, жить было легче. Проще. Примитивнѣе. Спокойнѣе.

Возьмемъ хотя бы войну. Въ настоящее время она требуетъ миллиона хлопотъ. Нужно и войско имѣть, и снаряды, тутъ тебѣ и пушки, тутъ тебѣ и дредноуты, тутъ тебѣ и военные займы, и мародеры, и банкиры, и шрапнели, — словомъ, масса безпокойства. Воевать надо долго и при этомъ, какъ говорятъ игроки въ макао: «комплекты идутъ съ переменнымъ счастьемъ». Такимъ образомъ, милостивые государи, становится очевиднымъ, что веденіе войны въ реальныхъ условіяхъ современности куда сложнѣе, чѣмъ хотя бы писаніе самыхъ кровоточивыхъ военныхъ разсказовъ. То ли дѣло въ древности! Какой-нибудь герцогъ бургундскій, или король кипрскій приглашали своего секретаря, юркаго способнаго человѣка, этакого средневѣковаго Симонозича, — и говорили ему:

— Слушай, секретарь. Напиши герцогу Бургундскому, что я объявляю ему войну.

— Виноватъ, ваше кипрское величество, мы не можемъ...

— Почему не можемъ?

— Да просто потому, что у насъ нѣтъ границъ съ Бургундіей.

— Плевать! Будемъ сражаться на морѣ.

— На морѣ? А вы, ваше величество, географію знаете?

— И знать не хочу ея, каналы! Будемъ сражаться на морѣ и дадимъ такую навмахію, по сравненію съ которой полтавскій бой—скромная стычка развѣдывательныхъ миноносцевъ.

— Нельзя на морѣ!

— Да почему же, наконецъ?

— Осмѣлюсь доложить, ваше кипрское величество, что герцогство Бургундское окружено со всѣхъ сторонъ сушей и не имѣетъ потому никакого флота...

— Никакого флота? Секретарь, вѣдь кто-то изъ моихъ предковъ сказалъ: «все потеряно, кромѣ флота». Вѣрно я говорю?

— Никакъ нѣтъ, — кромѣ чести.

— Блажь! Ерунда!.. Ну, вотъ что, если сражаться никакъ нельзя ни на морѣ, ни на сушѣ, то пошли герцогу бургундскому извѣщеніе о томъ, что, считая съ этого дня (число почтоваго штемпеля) объявляемъ мы, король кипрскій, землю бургундскую завоеванной по праву войны, а самого герцога бургундскаго со всѣмъ его войскомъ и свитой и населеніемъ, безъ различія пола, возраста и вѣроисповѣданія — плѣнными!

— Слушаю-сь, ваше величество. Сейчасъ отправлю.

Дальше, милостивые государи, все происходило быстро и легко. Составлялась торжественная бумага, подробно излагавшая мотивы и причины пораженія бургундцевъ и констатировавшая завоеваніе всего герцогства. Когда по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ этотъ меморандумъ прибывалъ въ Бургундію, мѣстный герцогъ призывалъ своего секретаря и, разузнавъ о томъ, что нѣтъ никакой физической возможности сразиться съ кипрскимъ королемъ ни на сушѣ ни на морѣ, приказывалъ:

— Напиши, каналья, письмо, — да пограмотнѣе, да потолковѣе бывшему королю кипрскому, о томъ, что я, его королевство, завоевалъ и въ полонъ взялъ.

Такъ мирно, безъ капли крови, домовито и элегантно сражались въ древности. Война стоила дешево; почтовые расходы да посылному на чай, — вотъ и весь военный бюджетъ. Золотой вѣкъ былъ, хорошее житье.

Германское объявленіе блокады Англии, Франціи и Италіи напоминаетъ средневѣковый рецептъ войны.

— Секретарь, — говоритъ канцлеръ, — напишите, что съ сегодняшняго дня мы объявляемъ блокаду всѣхъ морей...

— То есть, какъ всѣхъ?

— Такътаки всѣхъ. Что такое блокада?

— Это... Это такой способъ... при которомъ воюющей... своимъ флотомъ...

— Вы говорите глупости. При чемъ тутъ флоты! Просто надо объявить блокаду, а все остальное дѣлается само собою. Объявляйте блокаду Франціи, Англии, Италіи...

— Но вѣдь въ Средиземномъ морѣ у насъ...

— Условности! Шаблонъ!

— Но факты...

— Тѣмъ хуже для фактовъ!

— Слушаюсь!

— Дальше, старикъ: объявляйте блокаду Португаліи...

— Порт...?..

— Никакихъ! Объявляйте блокаду республикѣ Санъ-Марино...

— Шутить изволите! Тамъ всего двѣсти солдатъ и три пушки...

— Тѣмъ лучше! Блокада будетъ дѣйственной. Дальше. Объявляйте блокаду Швейцаріи...

— Но тамъ нѣтъ моря!

— Все равно. Мы устроимъ его...

— Невозможно!

— Чушь! Подводныя лодки ставятся на колеса, устраиваются купанья матросовъ, надѣваются спасательные пояса, груди покрываются татуировкой — и море готово. Пишите. Секретарь покорно пишетъ ноту, и блокада объявлена.

— Нѣтъ, господа, что ни говорите, а въ древности жились свободнѣе...

Подумаешь! Тоже фокусъ — блокада! Нѣтъ ужъ лучше такъ: написать прямо, что такая-то и такая страна объявляется завоеванной и военноплѣнной, — наклеить марки, бросить въ почтовый ящикъ, и дѣло съ концомъ. Никакихъ хлопотъ, никакой канители. Бор. Мирскій.

Рис. В. Лебедева.

ШИРОКАЯ МАСЛЕНИЦА.

— Эхъ, мадамъ, какое горе-то, а? У тебя талія въ рюмочку, у меня сапоги бутылками, а выпить нечего!

МУЗЕЙНАЯ РЕДКОСТЬ.

Немец-военнопленный: — О, доннер-ветер! Въ Россіи растеть столько картофеля, что его даже ѣдят!

О Ч Е Р Е Д Ъ Н А Х Л Ъ Б Ъ .

Не терпится: въ Германіи ждуть не дождутся новаго урожая.

ПОСТНАЯ ПѢСНЯ.

... И пришелъ, и былъ тревожный годъ.
Съ вечера до самаго разсвѣта
Бороздила черный небоводъ
Страшная хвостатая комета.

Съяла смятеніе и страхъ,
И пылала трепетно и ало,
И чертила круги въ небесахъ,
И хвостомъ насмѣшливо виляла.

И смѣялась нагло съ высоты,
И плыла, угодливая бѣсямъ,
И отъ ней опромные хвосты
Есть пошли по градамъ и по весямъ.

Бысть кругомъ стенанье и содомъ
Отъ сухихъ полей до пышныхъ парковъ.
И однажды по утру съ хвостомъ
Отъ одра возстахъ бояринъ Марковъ.

Были тщетны блѣнья и посты
И потоки дьяковыхъ указовъ —
И возникли длинные хвосты
У ларей, и лавокъ, и лабазовъ.

И звѣрьё, и птица встали въ разъ
Въ рощахъ, и лѣсахъ, и перелѣскахъ,
И явихъ свой обликъ Богоразъ
И нача вопить на перекресткахъ.

И плясали смерды трепака
Отъ зари разсвѣтной до заката,
И была, какъ серебро, мука,
И была сметана, яко злато.

И міряне стали въ велій хвостъ
И смятенно на морозѣ мѣли...
... Въ тотъ нещадный годъ Великій Постъ
Начался на масленой недѣлѣ...

А. д'Актиль.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

НОВАЯ КНИГА:

ДРК. АВЕРЧЕНКО,

„ПОДХОДЦЕВЪ И ДВОЕ ДРУГИХЪ“

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Лѣвые и лѣвѣйшіе.

„Русская Воля“ рассказываетъ о взглядѣ духовенства на правыхъ и лѣвыхъ:

Что касается взгляда духовенства на правыхъ и лѣвыхъ, то вотъ недавній петроградскій фактъ.

Нѣкоего моднаго чынъ сибирскаго іерарха спрашиваютъ объ его отношеніи къ правымъ и лѣвымъ. Онъ, даже секунды не размысливъ, отвѣтствуетъ:

— А что, милый, я тебѣ скажу? Вотъ — вхожу я въ храмъ Божій. По правую руку у меня, значитъ, правые стоятъ, по лѣвую — лѣвые. А самъ-то я, значитъ, ни къ правымъ ни къ лѣвымъ, а, промежду ихъ, все прямо, все прямо, — къ царскимъ значитъ, дверямъ. А въ царскихъ-то дверяхъ, значитъ, какъ повернусь назадъ, — народъ благословить: глядь, которые были лѣвые, стали мнѣ теперь, значитъ, правые, а которые были правые — стали лѣвые... Такъ-то мой милый!..

О печати.

Въ бесѣдѣ съ сотруд. „Петрогр. Газеты“ премьеръ князь И. Д. Голицынъ обласкалъ русскую печать:

Вообще, чѣмъ менѣе всякихъ вздорныхъ и волнующихъ слуховъ, тѣмъ лучше.

И въ этомъ отношеніи печать, въ могущество которой никто не можетъ сомнѣваться, можетъ много содѣйствовать общему успокоенію умовъ.

Отмѣна распутицы.

Со времянь Ксеркса, высѣкшаго плетью море — это первый случай борьбы человѣка со слѣпой стихіей:

Уполномоченный по продовольственному дѣлу по Таврической губерніи, г. Харченко, телеграфировалъ особому совѣщанію, что, вслѣдствіе бездорожья и распутицы, онъ не можетъ перевезти всего назначеннаго къ покупкѣ для его губерніи фуража.

Въ отвѣтъ на это завѣдующій однимъ изъ отдѣловъ особаго совѣщанія по продовольственному дѣлу, г. Евреиновъ, телеграфировалъ: „отмѣните распутицу“.

Г. Харченко, въ свою очередь, прислалъ на это предложеніе такой отвѣтъ: „доступными мнѣ мѣрами осушить губернію не могу“.

Полномочія, значитъ, недостаточны. А будь полномочія шире, уполномоченный реквизируетъ бы въ окрестностяхъ всю промокательную бумагу на прессъ-папье и осушилъ бы губернію за милую душу.

Гармонія.

Богъ даже фамиліей шельму мѣтитъ.

Въ петроградскомъ окружн. судѣ судился за покушеніе на грабежъ домовладѣльца нѣкій:

— А. Грабежовъ.

Всякій человѣкъ поддерживаетъ смыслъ своей фамиліи, какъ можетъ.

Въ этомъ отношеніи еще болѣе извѣстно другое лицо, нынѣ покойное.

Забота о малыхъ сихъ.

Въ засѣданіи бюджетной комиссіи.

Бурный смѣхъ вызвало сообщеніе В. А. Ржевскаго, что съ него, какъ съ председателя управы, была взята подписка о томъ, чтобы производителемъ-жеребцамъ давался обязательно отдыхъ по воскресеньямъ (?)

Все-таки эта новелла слабо разработана.

Мы находимъ спрзедливымъ ввести еще одинъ пунктъ: „жеребцамъ, принадлежащимъ лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія, отдыхъ долженъ даваться по субботамъ“.

Говорятъ, жеребцы на-дняхъ поднесли инициатору новеллы адресъ.

Конфеты для самоѣдовъ.

Можно ли изъ обойныхъ гвоздей дѣлать сливочное масло? Нельзя.

А вотъ однако-же владѣлецъ конфетной фабрики Гиттельзонъ открылъ чудесный способъ изготовленія конфетъ изъ свѣчей...

„Петрогр. Газета“ сообщаетъ:

Владѣлецъ конфетной фабрики д. 4 по Глазовой ул., Аронъ Гиттельзонъ, заявилъ полици о кражѣ у него изъ кладовой въ № 6 по Звенигородской ул., 62 пудовъ стеариновыхъ свѣчей и 50 пудовъ „харбинскихъ“ свѣчей. Похищенные свѣчи оцѣниваются въ 5,400 рублей.

Въ настоящее время стеариновыя свѣчи можно достать въ лавкахъ съ большимъ трудомъ. Между тѣмъ, у владѣльца конфетной фабрики ихъ было 62 пуда.

Интересно знать, съ какою цѣлью г. Гиттельзонъ хранилъ въ своей кладовой такіе большіе запасы свѣчей?

Съ какою цѣлью? Очевидно, дѣлалъ изъ нихъ конфеты.

Нельзя же предположить, что Гиттельзонъ такъ боялся тьмы, что рѣшилъ освѣтить свою сумрачную жизнь 62-мя пудами свѣчей.

Простѣйшіе.

Мѣткій штрихъ изъ „Русской Воли“:

Правыя партіи, какъ простѣйшіе микроорганизмы, размножаются простымъ дѣленіемъ.

Простѣйшіе-то простѣйшіе... А сколько такое простѣйшее можетъ казенныхъ денегъ слопать, такъ это и самому сложнѣйшему не снилось.

Здоровякъ.

Живописное опредѣленіе одного русскаго, вырвавшася изъ германскаго плѣна:

Когда я еще въ началѣ войны изучалъ въ Польшѣ и въ Галиціи, а затѣмъ въ Восточной Пруссіи силы и духъ воюющей Германіи, то у меня тогда же составилось опредѣленное и твердое представленіе, что Германія, какъ особаго рода здоровяки, будетъ долго и сильно бороться, казаться порою даже несокрушимой, а потомъ вдругъ сразу крякнетъ и свалится.

И чувствуется, что уже открылъ ротъ этотъ здоровякъ, чтобы испустить ожидаемое кряканье.

Страшный и таинственный преступникъ.

Мы можемъ спать спокойно: въ Екатеринославѣ полиція гениально борется съ преступнымъ міромъ:

Помощник пристава 4-й части А. Дандовой арестовалъ въ Екатеринославѣ на улицѣ мѣщанина Хаима Аринштама, — ну, разумѣется Хаима, — кого же еще арестовывать на улицѣ такъ, ни съ того, ни съ сего?

При Хаимѣ, — о ужасъ, — не оказалось вида на жительство. Онъ, какъ водится, былъ отправленъ въ часть. И вдругъ выяснилось, что онъ мѣстный житель, и даже обитаетъ — вотъ тутъ черезъ улицу, на самой Казанской.

Дандовой — чудакъ: чего ему въ самомъ дѣлѣ на улицѣ беспаспортныхъ ловить? Отправился бы онъ въ баню на полкъ, гдѣ парятся — тамъ бы ни у кого не оказалось паспорта, и негодяи, конечно, по закону должны бы быть арестованы.

Эхъ, Дандовой, Дандовой, — безвинная жертва нерадивой мамки, въ дѣтствѣ тебя, младенчика, уронившей.

Руки вверхъ.

Какая разница между фарсомъ и московскимъ Большимъ театромъ?

Въ фарсѣ раздѣляютъ актеровъ, въ московскомъ Большомъ театрѣ — публику.

На-дняхъ въ Москвѣ шелъ „Донъ Карлосъ“ Верди, съ участіемъ О. И. Шалапина.

Этотъ спектакль можно назвать рекорднымъ, въ смыслѣ безпримѣрныхъ цѣнъ.

Ложи бенеуара продавались по 420 р., бельэтажа — 310 р., второй ярусъ — 216 р., третій ярусъ — 144 р.

Кресло перваго ряда стоило 120 р.

Общая расцѣнка мѣстъ сдѣлана на 73 тысячи, включая сюда и военный налогъ.

На фронтонѣ Академіи Художествъ начертано:

— Свободнымъ художествамъ.

На фронтонѣ московскаго Большого театра надлежитъ начертать не менѣе красивое изреченіе:

— Сарынь на кичку.

Стыдитесь, Теляковскій.

Сенсація.

Недаромъ Конанъ-Дойль и его Шерлокъ Холмсъ по национальности англичане:

(Спеціальная тел. „Бирж. Вѣд.“). Судъ въ Дарби продолжалъ слѣдствіе о заговорѣ на убійство Ллойдъ-Джорджа и Хендерсона.

Тайный агентъ Бутъ, допрошенный одновременно съ другимъ агентомъ Гордономъ, показалъ, что они получили отъ г-жи Вьюэльдонъ четыре флакона, содержавшихъ кураре и стрихнинъ; флаконы эти были посланы аптекаремъ Мэсономъ съ цѣлью убить Ллойдъ-Джорджа и Хендерсона отравленными стрѣлами изъ воздушнаго ружья, отравленной иглой или отравленнымъ гвоздемъ въ обуви. Злоумышленники предполагали, что тайные агенты приведутъ въ исполненіе этотъ планъ. Г-жа Вьюэльдонъ совѣтовала имъ остановиться въ той же самой гостиницѣ, въ которой помѣщался Ллойдъ-Джорджъ, и прибѣгнуть для убійства его къ отравленной иглѣ, гвоздю или выстрѣлу, а Хендерсона убить отравленной стрѣлой изъ духового ружья на Уольонхитѣ.

Г-жа Вьюэльдонъ объяснила при этомъ: такимъ образомъ, ядъ долженъ былъ быть разведенъ и указала, что если бы нужно было прибѣгнуть къ микробамъ, то и ихъ можно было бы получить отъ Мэсона. Удалось прослѣдить, какъ посылка съ ядомъ была переслана изъ Саутгэмптона въ домъ Вьюэльдоновъ въ Дарби.

Экспертъ, производившій химическій анализъ, далъ показанія о силѣ яда; по его заключенію, ядъ былъ весьма силенъ и опасенъ.

Пока работаетъ Скотландъ-Ярдъ.

Но почему бы не заинтересоваться этимъ дѣломъ и Бекэръ-Стриту?

Толстый намекъ.

Бѣдняги:

При коронованіи австрійскаго императора Карла, когда онъ проѣзжалъ съ вокзала въ дворецъ, толпы народа, стоявшія шпалерами на улицахъ, оглашали воздухъ криками „Да здравствуетъ король-миротворецъ!“

Подмигивали ли они при этомъ, — корреспондентъ не сообщаетъ.

Кровная обида.

Этакъ можно человѣка на всю жизнь опозорить:

Гласный Тиграновъ на засѣданіи тифлисской городской думы обращается къ гл. Рамишвили и проситъ не перебивать его. — У меня съ вами былъ инцидентъ на этой почвѣ, — говоритъ онъ гл. Рамишвили.

Гл. Рамишвили (съ мѣста) Марковъ II.

Гл. Тиграновъ (въ сильномъ волненіи обращаясь къ гл. Рамишвили).

Вы — чистѣйшій хулиганъ, а называете себя демократомъ! (Шумъ въ залѣ, звонокъ предсѣдателя).

Городск. голова проситъ гласныхъ взять назадъ оскорбительныя выраженія. — Хотя Марковъ 2-й — депутатъ Гос. Думы, — говоритъ городской голова, — но выраженіе „Марковъ 2-й“ считается оскорбительнымъ.

Гл. Тиграновъ. Извиняется.

Теперь является принципиальный вопросъ: если назвать „Марковымъ вторымъ“ самого „Маркова второго“ — долженъ ли онъ привлечь обидчика къ суду или такъ себѣ, молча, проглотить это гнусное оскорбительное слово?

ПОТОМСТВУ ВЪ НАЗИДАНИЕ.

Нижеприведенный документъ въ подлинникѣ написанъ славянскими буквами съ орнаментами и массою завитушекъ, такъ характерныхъ для стариннаго письма. Этотъ цѣнный документъ живописуетъ, какъ въ давно прошедшія времена, — въ 1914 году, — на Руси праздновалась масленица. Приводимъ его полностью.

Лѣта 1914-го. Потомству въ назиданіе. Како на Руси праздновалась масленица. Азъ, рабъ твой Евграфъ, сынъ законный Дольскій, лѣтъ весьма многихъ отъ роду клянусь тебѣ, что ни словомъ единымъ не солгу въ описаніи семъ. Знай же: перво-наперво покупала дому хозайка муки разной, сколько хотѣла, объ очереди, хвостѣ и карточкѣ не помышляючи, въ томъ тебѣ клянусь. Покупала къ тому елѣя коровьяго, цѣною въ шесть и одну половину гривенъ фунтъ и фунтовъ этихъ покупала елико хотѣла. Покупала къ тому яиць и сметаны и простокваши, елико могла, и на колесницѣ извозчицей безъ торгу домой привозила, — въ чемъ тебѣ еще однажды клянусь. Покупала она, — даже на томъ случаѣ, если дому глава — мужъ жалованье получалъ не свыше ста сребренниковъ, — икру отъ рыбы кеты, балыка-рыбы кусъ и семушки — рыбицы кусокъ и деликатесовъ иныхъ и прочихъ. И ставила накануне масленую опару, и восходила опара. И на день пришедшій клала въ печку дровъ и ставила сковороду въ печь огненную. И получаешься тѣло смачно, тѣло съдобно, тѣло румяно и весьма аппетитно, — ему же имя — блины. Къ тому часу украшася столъ питіями весьма отличными одно отъ другого. Быша тутъ и казенная съ главою аки солнце и очищенная съ главою, аки снѣгъ бѣлою и рябиновая, градъ Нѣжинъ прославившая, и варенухи и наливки, и хинныя, и зубровыя, и апельсиновыя, и тминныя, и горькія — аглицкія, и перцовыя, и на семи травахъ настоенныя отъ всѣхъ болѣзней лѣчащія. И ядущій кладома блинъ на тарелку и обильно мазаше его елеемъ и яйцомъ оный обливаша, сметаною заливаше, икрую покрываше, рыбицею накрываше, въ ротъ кладаше, влагою запиваше и быша веселіе. И единъ блинъ ядоше и два и три и тако нѣсть числа. И единъ сосудъ выпиваше и два и три и до безконечности, именуемой предѣломъ непревзойденнымъ. И наѣдахуся и напиахуся и въ ризахъ брачныхъ подъ столъ валихуся и тамо спяху. И быша радость. Возставъ отъ сна, глаза продирали, содовую пили и громко вопіяли: «о еще едину, похмѣлія ради» и снова упивахуся.

Человѣче! И тако цѣлую седмицу веселіе шло. Восплачь, человѣче!

Евграфъ Дольскій.

ЗА ОБЪДОМЪ.

— Марья! Дай гребенку!

— Зачѣмъ тебѣ?

— Да у меня въ котлетѣ уже третій волосъ попадается. Хочу котлету вычесать.

Волкъ.

ПЬЕРЕТТА.

Голубчикъ, я вамъ нравлюсь въ костюмѣ Пьеретты?

Скажите, я нравлюсь вамъ?

Но что это на плечѣ у меня? Что это?

Ай-ай-ай! Это — шрамъ!

Этотъ красный рубецъ на блѣдной кожѣ —

Поцѣлуй вашего злого хлыста.

Ну такъ что же?

Зато душой я чиста!

Лидія Лѣсная.

Рис. Ивашинцевой.

Рис. Миссз.

ХОРОШІЙ ТОНЪ.

— Что, Маша, безъ меня Бибишка гулять не просилась?
— Нѣтъ-съ, онѣ на этотъ счетъ ничего не говорили.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Навратъ, напутать, навдумывать какъ можно больше всякаго вздора — таково обычное стремленіе „Синяго Журнала“.

Въ прошломъ номерѣ этотъ журналъ сообщилъ о 14 обезьянахъ, пьющихъ шампанское; еще раньше — о пятиногой собакѣ и о челвѣкѣ, у котораго вмѣсто головы кирпичъ.

И вдругъ — чудо! Въ послѣднемъ номерѣ редакція, будто раскаявшись въ этихъ чудовищныхъ преувеличеніяхъ, впала въ обратное: помѣстила портретъ рыбы длиною въ 2 аршина и назвала эту штуку: — Гигантская рыба, чудо-юдо, рыба-китъ.

Многое простится „Синему Журналу“ за этого гомеопатическаго двухъ-аршиннаго кита...

*

Тотъ же журналъ въ объявленіяхъ о подпискѣ пресерьезно увѣряетъ читателей:

„СИНІЙ ЖУРНАЛЪ“
обслуживаютъ корреспонденты и фотографы
всѣхъ угловъ и уголковъ Россіи, а равно и
крупныхъ всемірныхъ центровъ.

Кстати:

Въ прошломъ году „Синій Журналъ“ помѣстилъ портретъ какой-то собаки съ трубкой въ зубахъ и подписалъ подъ фотографіей:

„Нашъ четвероногий корреспондентъ“.

Такихъ корреспондентовъ у „Синяго Журнала“, конечно, сколько угодно...

Это, правда, отражается на стилѣ корреспонденцій, но... читатель „Синяго Журнала“ таковъ, что и собаку проглотить, не поморщившись.

Читатели!

Что это такое?

Сторонній, Брандсбой, Новый.
Альфа, Висъ, Серъ-Гей, Скифъ.

Прошлый, Громобой, Черноморъ, Риолетто,
Водяной, Удивленный, Колочка, Недремлющій.

Вы, конечно, скажете:

— Это скаковая программа съ перечисленіемъ жеребцовъ и кобылъ — дѣло ясное.

Нѣтъ, это не то, читатель.

Это списокъ сотрудниковъ, опубликованный черносотенной газетой „Ростовскій Н/Д. Листокъ“.

Кромѣ лошадей, это очень напоминаетъ собачій дворъ Ноздрева въ „Мертвыхъ Душахъ“.

Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо по-выхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полово-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, стрѣлыхъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣлый, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, севера, касатка.

Неудивительно, если эта полугазета, полу-бѣговая конюшня и собачій дворъ вмѣстѣ дадутъ въ числѣ премій на 1917 годъ слѣдующую:

Книга Замысловскаго „Убіеніе Андрюши Ющинскаго“, съ 20 картинами къ ней.

1) М. Бейлисъ подъ стражей, 2) Мѣсто убійства, 3) Ритуальное убійство (въ краскахъ), 4) Пещера, гдѣ былъ найденъ трупъ Андрюши Ющинскаго, 5) Вл. Голубевъ надъ смертію храбрыхъ на полѣ брани, 6) П. Щегловъ-товъ, бывший министръ юстиціи, 7) Г. Г. Замысловскій, 8) П. Силорскій, 9) Д. Косоротовъ, 10) и 11) Рубашка, въ которой былъ замученъ Андрюша Ющинскій, 12) Андрюша Ющинскій передъ погребеніемъ, 13) А. А. Карбовскій, товарищъ прокурора, 14) О. Ю. Випперъ, 15) Вѣра Чеберякъ съ семьей, и другія.

Тутъ ужъ, очевидно, работали всѣ: и Стрѣлый, и Порхай, и Допекай, и Обругай..

НОМО САPIENS.

Я голодалъ уже три дня,
Не видя проку въ днѣ четвертомъ
Какъ вдругъ судьба свела меня.
Съ праздношатающимъ чортомъ.
Онъ мнѣ сказалъ, смиряя прыть
Хвоста, вилывшаго неловко:
«Позвольте мнѣ васъ угостить —
Тутъ есть приличная столовка».
Я сдѣлалъ чорту эту честь —
Вошелъ въ подвалъ и сѣлъ за столикъ:
(Мнѣ было трудно перенести
Въ пустомъ желудкѣ приступъ коликъ!)
Пока я ѣлъ простыя щи,
Чортъ философствовалъ упрямо:
«Ты не смирайся, а ропщи,
Сынъ непокорнаго Адама!
Тебѣ вливаютъ въ жилы ядъ,
Тлетворный ядъ непротивленья,
И въ жизни будущей сулятъ
За это райскія селеня,
Но ты отвергни душный рай,
Забудь безсмысленныя сказки,
И самъ блаженства выбирай
Безъ оскорбительной указки!
Твой Повелитель слабъ и простъ —
Спази Его въ бою открытомъ!»
Чортъ завернулъ колечкомъ хвостъ
И стукнулъ ѓ землю копытомъ,
А я сказалъ ему: «Ты правъ.
Дай лапу мнѣ, исчадь ада!»
Но тутъ мнѣ подали... пилавъ
И сладкій тортъ изъ шоколада.
И скоро дьявольская рѣчь
Мнѣ показалась явно плоской;
Мнѣ захотѣлось вдругъ прилечь
И затянуться папироской;
Прочешь газетный фельетонъ...
Конечно, бѣсъ — огаторъ первый,
Но наглый вилъ и дерзкій тонъ
Мнѣ стали дѣйствовать на нервы.
Я послылся, доѣвши тортъ,
И бросилъ чорту по дорогѣ:
«Благодарю васъ, милый чортъ,
Вы мнѣ напомнили... о Богѣ!»

Набей голодному животу
Кусками сладенькаго тѣста —
И въ бунтарѣ не проживетъ
Минуты лишней духъ протеста.

Владиміръ Василенко.

1-я премія

ВСЕЛЕННАЯ и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

при участіи и под редакціей
маститыхъ сатириконцевъ.

Солидное, фундаментальное изданіе.

2-я премія

1 ориг. картина РЕ-МИ (въ краскахъ).

1 оригинальная картина А. РАДАКОВА (въ краскахъ).

Сюжеты этихъ картинъ настолько захватывающіи, что мы боимся ихъ сейчасъ опубликовать: сейчасъ же другіе захватятъ...

2 рисунка МИССЪ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Не ѣшь, не пьешь, ночей не спишь... Все сидишь и думаешь, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы подписчикамъ было лучше. И вотъ придумали.

Подписчику, конечно, весьма любопытенъ весь ходъ нашихъ мыслей и мнѣній по этому поводу.

На торжественномъ засѣданіи кто-то предложилъ:

— Давайте, дадимъ въ премію полное и подробное описаніе брюнетовъ, какъ таковыхъ.

— Идея. Только почему же описывать однихъ брюнетовъ? Давайте опишемъ и брюнетокъ.

— А, по моему, эту идею надлежитъ развить шире: опишемъ всѣхъ русскихъ брюнетовъ, блондиновъ и шатеновъ.

— Можно еще больше расширяться, при чемъ тутъ цвѣтъ волосъ: дадимъ, вообще, описаніе русскаго человѣка.

— Эхъ-ма! — въ самозабвеніи крикнулъ секретарь. — Да чего тамъ: опишемъ всѣхъ европейцевъ.

— Европейцевъ? — прищурился поэтъ. — Берите шире: надо дать изслѣдованіе обо всемъ современномъ человѣчествѣ. И всталъ тогда маститый редакторъ.

— Вотъ что, господа, — началъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. — Я знаю, что работа наша будетъ гигантская, сверхчеловѣческая! Но... останавливались ли мы когда-нибудь передъ этимъ? Нѣтъ. Итакъ, я предлагаю еще больше раздвинуть рамки нашей преміи... Дадимъ... „ВСЕЛЕННУЮ и ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“!!

Это былъ незабываемый моментъ. Многіе плакали...

Вотъ, благодаря этому удивительному по красотѣ жесту, **всѣ годовые подписчики и получаютъ!**

52 НОМЕРА обильно иллюстрированного рисунками и карикатурами журнала.

1 БОЛЬШОЙ ТОМЪ „Вселенная и Человѣчество“.

4 КАРТИНЫ, изъ нихъ двѣ исполненныя по способу трехцвѣтной печати,

а именно:

2 КАРТИНЫ Ре-ми и А. Радакова.

2 КАРТИНЫ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ) Миссъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на 1 годъ безъ доставки 10 рублей; съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 руб.; на 1/2 года — 5 руб. 50 к.; на 1 мѣс. — 95 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 руб., 1-го мая 3 руб., 1-го сентября 3 руб.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

ВИЗИТНЫЯ КАРТОЧКИ.

Лежать онъ вмѣстѣ на бронзовомъ блюдѣ,
Покрытыя прочной вершковною пылью,
Всѣ въ разные дни приходившіе люди,
Мелькнувшіе въ прошломъ туманною былью.

На днѣ умѣстился настройщикъ роялей,
Тупой, бѣлобрысый, на толстомъ картонѣ,
Его собирались позвать — не позвали,
И вотъ онъ лѣтъ восемь въ пыли и въ загонѣ...

Съ настройщикомъ рядомъ на свадьбу въ Одессу
Зовутъ два семейства изысканнымъ слогомъ,
Женѣ съ той поры пудъ прибавился вѣсу,
А мужъ третій годъ, какъ слыветъ «носорогомъ».

«Окончившій курсъ» весь исчеркалъ пергаментъ;
Онъ копию снялъ въ назиданье съ диплома,
Аронъ Соломоновичъ Шкафы, темпераментъ
Въ столицѣ оставьте, не будьте какъ дома!

Разсѣлись на блюдѣ, какъ въ мягкой коляскѣ
И давите матовый листикъ съ обрѣзомъ,
На немъ финансиста заплывшіе глазки...
Скорѣй извинитесь предъ банковымъ крезомъ!

Забытыя карточки — пыльные стружки,
Смѣшались мужчины и женщины вмѣстѣ,
И сплетни плетутъ неумолчно старушки,
Обжились, сошлись на насижennomъ мѣстѣ.

Когда же до края наполнится блюдо,
Разстанусь съ моимъ разношерстнымъ народомъ,
И печь зашумитъ перемѣнчивымъ гудомъ
Предъ новымъ, вдали наступающимъ годомъ.

Ал. Флигъ.

УМНАЯ ОБЕЗЬЯНА.

Вздыхаевъ пригласилъ насъ на первый день масленицы
на обѣдъ. Не успѣли мы за столъ сѣсть, не успѣли по блину
проглотить, какъ вошла кухарка и доложила, что на кух-
нѣ торчитъ какой-то чумазый чортъ съ облизьяномъ и очень
хочетъ хозяина видѣть.

Вздыхаевъ угрюмо посмотрѣлъ на насъ (не въ примѣръ
прочимъ масленицамъ, въ этомъ году онъ былъ очень сви-
рѣпо настроенъ) и отрывисто бросилъ:

— Въ. Шею.

— Вздыхаевъ, — попросили мы, — очевидно, на кухнѣ
стоитъ бѣдный человѣкъ... Будемъ великодушны, Взды-
хаевъ, и дадимъ ему еже отъ силъ своихъ... Къ тому же
онъ можетъ немного развлечь насъ...

— Зо. Ви. Сю. Да.

Въ столовую вошелъ маленькій коренастый старикъ-
сербъ, съ обезьяной подъ мышкой.

— Здорово, — сказалъ сербъ.

— Представляй, — приказалъ Вздыхаевъ.

Сербъ бережно опустилъ обезьяну на полъ, вынулъ изъ
опромѣнѣшаго кармана пальто скрипку, пощупалъ смычокъ
и заигралъ такую тягучую, такую нудную вещь, что даже
обезьяна и та начала такъ громко вздыхать, что безъ слезъ
невозможно было ее слушать.

— Чиво вздыхаешь? — спросилъ вдругъ сербъ.

Обезьяна порылась въ карманахъ и достала пустую бу-
тылку изъ-подъ казенной водки.

— Правильно! — сорвалось у Вздыхаева. — Такое ма-
ленькое животное, а понимаетъ.

— Ничего она не понимаетъ, — сказалъ Правдолюбовъ,
любившій рѣзать правду-матку, — просто выдрессирована
скотина и больше ничего.

— Во-во! — презрительно бросилъ Вздыхаевъ. — Какъ
это можно облизьяна выдрессировать этому? Скажетъ
тоже!

Вздыхаевъ любовно посмотрѣлъ на обезьяну и пома-
нилъ ее къ себѣ пальцемъ.

Обезьяна подошла.

— Хочешь блинчика? — спросилъ Вздыхаевъ.

Обезьяна показала языкъ.

— А икорки? Хорошая, братъ, икра. Первый сортъ.

Языкъ высунулся еще длиннѣе.

— А яичка? Сметанки? Балычка? Семушки? Водки?
При послѣднемъ словѣ обезьяна подпрыгнула и радостно
завизжала.

Пораженный до глубины души Вздыхаевъ только и могъ
выговорить:

— Непостижимо!

Сербъ усмѣхнулся и заигралъ какую-то польку.

— Маръ Ванъ, — сказалъ онъ, — какой былъ до вой-
ны масленицъ.

Обезьяна точно съ ума сошла: завертѣлась, забѣ-
гала, то подпрыгивала, то падала на полъ и дрыгала ногами,
то снова вскакивала и начинала дѣлать головокружительнѣй-
шія сальто-мортале.

Мотивъ вдругъ сдѣлался грустнымъ. Сербъ спросилъ:

— А сыводна?

Обезьяна остановилась, какъ вкопанная. Злой огонь за-
игралъ въ ея глазахъ. Она подошла сначала къ Вздыхаеву
и издала какой-то звукъ въ родѣ рычанія. Меня сердито
толкнула лапой. Передъ Правдолюбовымъ плюнула. По-
томъ начала отчаянно зѣвать.

Вздыхаевъ только руками разводилъ.

— Вѣрно! Вѣрно! — восхищенно шепталъ онъ. —
Какая образованность! Звѣрь, а многихъ въ умѣ превзойти
можетъ!

— Шарлатанство и оптической обманъ, — сказалъ Прав-
долюбовъ.

— Нѣтъ не шарлатанство, — запротестовалъ Взды-
хаевъ, — умный звѣрь и больше ничего. И ежели я отъ об-
лизьяна произошелъ, — Вздыхаевъ ударилъ кулакомъ по
столу, — такъ я горжусь этимъ! Да, судари мои, за честь
считаю!

Весь сияющій отъ улыбки, онъ обратился къ сербу:

— А еще она можетъ что-нибудь?

— Угу. Маръ Ванъ! Стройся!

Марья Ивановна стала на заднія лапы, а переднія вытя-
нула «по швамъ».

— Руски генераль идотъ!

Марья Ивановна отдала честь...

— Ерманъ генераль идотъ!

Обезьяна бросилась на невидимаго врага, сразу же под-
мяла его подъ себя и начала награждать его тумакми.

— Поддай! Поддай еще! — кричалъ вошедшій въ азартъ
Вздыхаевъ. — Луни его въ мою голову! Дай ему по первое
число.

— Стыдитесь, — сказалъ Правдолюбовъ, — вы реаги-
руете на мистификацію!

Но Вздыхаевъ его не слушалъ. Онъ влюбленными гла-
зами слѣдилъ за каждымъ движеніемъ обезьяны и надрывно
кричалъ:

— Разуважила! Покорнѣйше благодарю, разуважила!

Когда эффектъ отъ послѣдняго номера немного раз-
сѣялся, сербъ снова подаль голось:

— Маръ Ванъ, какъ русски солдатъ въ окопѣ сидитъ?

Обезьяна приняла молодецкую позу, закинула ногу за
ногу и сдѣлала видъ, что цѣлится изъ ружья въ непріятеля.
Эффектъ былъ попрежнему грандіозный.

— Ну, ну, а нѣмецъ? — не утерѣлъ и подаль реплику
Вздыхаевъ.

Обезьяна начала дрожать. Сначала дрожь была мелкая,
еле уловимая, потомъ она начала увеличиваться, и скоро
обезьяна стала походить на одно трясущееся пятно.

Но наше вниманіе было отвлечено отъ обезьяны са-
мымъ Вздыхаевымъ: онъ хохоталъ такъ, какъ не хохоталъ
на нашемъ вѣку ни одинъ человѣкъ: съ приовистомъ, съ вы-
криками, съ какимъ-то дикимъ прихрюкиваньемъ... Сильно
дрожала въ своемъ номерѣ обезьяна, но еще сильнѣе дрожалъ
отъ хохота зритель-Вздыхаевъ.

Когда Вздыхаевъ пришелъ въ себя, сербъ заявилъ:

— Всо. Подары пытачокъ.

— Пятачекъ? — поразился Вздыхаевъ. — За это са-
мое — пятакъ? — Онъ раскрылъ бумажникъ. Радужная
бумажка мелькнула въ воздухѣ. — Вотъ какой пятакъ я
долженъ заплатить.

Сербъ отъ неожиданности превратился въ столбъ.

— Будь здоровъ, — насилу выговорилъ онъ.

Вздыхаевъ тяжело вздохнулъ. Подошелъ къ обезьянѣ
и осторожно взялъ въ свою руку ея правую переднюю лапу.

— Великолѣпно, — сказалъ онъ, — вы прямо таки вос-
кресли меня, мадамъ. Никогда зъ жизни я не забуду вашего
визита!

Увидѣвъ, что сербъ поворачиваетъ къ кухнѣ, онъ поразился:

— Что-съ?! Такому артисту и черезъ кухню? Покорно прошу на парадный ходъ! Милости прошу!

И обернулся къ намъ радостный:

— Лучшая масленица въ моей жизни!

Евграфъ Дольскій.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные ответы на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Ванъ Ваньчу. — Ванъ Ваньчъ будто не въ журналъ пишетъ, а дѣвицъ въ любви объясняется:

„Скажите, дорогой редакторъ, одно только маленькое, но полное глубокаго значенія словечко — „да“ — и я брошусь къ вамъ со всѣхъ четырехъ(?)!..

Зачѣмъ же такъ много. Намъ бы и двухъ было довольно.

Къ сожалѣнію, вмѣсто маленькаго „да“, можемъ застѣнчиво пролепетать большое: „нѣтъ!“

Закорючкь. — Вы еще чего тутъ подъ ногами вертитесь со своими анекдотами? Не до васъ.

Ну, полюбуйте сами, Закорючка: развѣ это хорошій анекдотъ?

— „Какой теперь самый модный человекъ?“

— Дуракъ.

— Почему?

— Да какъ же: теперь есть мясопустъ, лифтопустъ и прочій пусть.

— Ну?

— И дуракъ тоже пусть*.

Другіе Закорючкины анекдоты не лучше.

Сиду (Б. Мон.). — Сидъ отмѣчаетъ въ своемъ разсказѣ такой штрихъ:

„Груди молодой дѣвушки тяжело дышали“.

И правильно: всякій дышитъ за свой страхъ и рискъ... дѣвушка дышетъ сама по себѣ, ея груди — сами по себѣ.

А еще говорятъ: что написано перомъ — не вырубишь топоромъ. Вырубить не вырубишь. А выбросить можно.

Б. Провинція.

Лицу, завѣдующему въ „Сатириконѣ“ отдѣломъ „Почтовый ящикъ“, часто приходится получать запросы недовѣрчивыхъ читателей:

правда ли, что всѣ цитаты въ почтовомъ ящикѣ берутся изъ присылаемыхъ рукописей, или — эти цитаты сочиняются тутъ же, въ редакціи? Въ тысячу первый разъ мы энергично утверждаемъ, что нашъ почтовый ящикъ — отраженіе дѣйствительной умственной и поэтической жизни пишущей Россіи. Въ тысячу первый разъ мы должны указать на то, что гораздо легче брать изъ присылаемаго готовый матеріалъ для отвѣтовъ, чѣмъ трудиться надъ сочиненіемъ его. Вотъ, на примѣръ, пусть читатели вѣрятъ или не вѣрятъ — это ихъ дѣло, но мы цѣликомъ приводимъ подлинное стихотвореніе какого-то Поля Шелегова присланное намъ для напечатанія. Пусть кто-нибудь изъ самыхъ, изощренныхъ юмористовъ сочинитъ что-либо подобное:

... Это было давно, я не помню когда это было.

Было это ночью, на Невскомъ давно,

Шла тихо брюнеточка дама,

Была она въ черномъ красивомъ манто

И съ гибкою стройностью стана.

Такъ чья же, вы спросите, это жена?

Извольте, моя вамъ услуга,

На что и отвѣчу, коль спросать меня:

Она ищетъ пропавшаго мужа.

— Гдѣ онъ? быть можетъ ограбленъ, убитъ —

Такъ думаетъ, слезы роняя брюнетка;

А мужъ въ Грандъ-Отелѣ въ объятяхъ лежитъ

И клубится въ зубахъ сигаретка.

Вотъ какъ жили и живутъ семьянины,

Вотъ вамъ примѣры отцовъ:

Каждый день ресторанъ, Шуры, Нины

И кутежъ безшабашныхъ глупцовъ...

Поль Шелеговъ*.

Послалъ это стихотвореніе бѣдный Поль Шелеговъ, теперь сидитъ и думаетъ: „Вотъ распечатаютъ въ редакціи мое письмо, прочтутъ стихи, обрадуются, засуетятся, сейчасъ же въ типографію сдадутъ: печатайте, молъ, скорѣе — ради Бога, печатайте эти чудесные, эти замѣчательные стихи.“

А мы взяли ихъ да выбросили..

Гдѣ-то. Дряквь. — Дряква взываетъ:

„Терзай мое тѣло! Я боли хочу!“

Всѣ вы такъ говорите до перваго тумака. А вздуй мы васъ какъ слѣдуетъ — крику не оберешься.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бывають артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 чзв.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 64. — Телефонъ 644—56.

Выпьювающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

- 1) Осинный колъ на могилу зеленаго змія. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна 1 р. 25 к.
- 3) Письмовникъ „Нов. Сатирикона“ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и танцевальн. разговоровъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Физиологія и анатомія человека съ приложеніемъ психологіи человека. Цѣна 1 р. 50 к.
- 5) Всеобщая исторія, обработанная Сатириконцами. Цѣна 1 р. 50 к.
- 6) „Вѣстникъ Знанія Новаго Сатирикона“. Цѣна 1 р. 50 к.

Карманная бібліотека „Новаго Сатирикона“

- Выпускъ 1-й. Ал. Гринъ. Проишествіе въ улицѣ Поа. Цѣна 50 к.
 „ 2-й. Гр. Алексѣй Толстой. Орѣонъ. Цѣна 50 к.
 „ 3-й. Александръ Рославлевъ. Князь изъ Альгамбры. Цѣна 50 к.
 „ 4-й. „ „ Записки полицейскаго пристава. Цѣна 50 к.

Я Д Ъ Н А К О Н Ч И К Ъ Я З Ы К А .

- Она: — Если я надѣну такое грубое бѣлье, меня засмѣетъ весь городъ!
Онъ: — Ну не весь . Только одна половина.
Она: — Почему одна половина?
Онъ: — Потому что другая — женщины.